

Марк Алданов. Истоки. Окончание.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

I

Михаил Яковлевич выехал в июне из Петербурга на Кавказские Минеральные Воды. Он в лечении не нуждался, но стал полнеть и в последнее время плохо спал. Кроме того, в июне, точно по стадному чувству, одновременно уезжали все его друзья и знакомые, за исключением немногих оригиналов, с вызовом говоривших, что они любят Петербург "именно тогда, когда в нем никого нет". На самом деле, из огромного города летом уезжало каких-нибудь пять-шесть тысяч человек; они жили так суетливо-шумно, что их отсутствие создавало впечатление, будто город пуст. За границу в 1879 году ездили почти исключительно богатые люди: после русско-турецкой войны курс рубля упал. В обществе повторялось словечко Салтыкова: "Еще ничего, если за рубль дадут в Европе полцены. А вот что, когда за рубль будут в Европе давать в морду?" Почему-то все повторяли словечко с удовольствием. Войны за освобождение славян, которая была главной причиной понижения русских денег, больше всего требовало общество или, по крайней мере, наиболее влиятельная его часть. Однако, вся ответственность была возложена на правительство. Его теперь ругали уже автоматически, почти все и почти за все: как поделом, так и без основания. Оно очень надоело.

Черняков обычно за границу уезжал неохотно. Там его никто не знал, кроме нескольких профессоров. На русских же курортах Михаил Яковлевич неизменно встречал интересных людей и почитателей. Когда он, знакомясь, глуховато-низким голосом внушительно называл свое имя, люди – не всегда, конечно, но часто, – говорили: "Профессор Петербургского университета? Сотрудник "Вестника Европы"? Чрезвычайно рад познакомиться". Им было приятно, и ему было приятно.

Уехал Михаил Яковлевич в мрачном настроении. Одной из причин этого была тяжкая, все ухудшавшаяся, болезнь Дюмлера. Юрий Павлович болел слишком долго, знакомым надоело посещать его, – точно у людей было смутное чувство, что он должен, наконец, либо выздороветь, либо, уж если на то пошло, поскорее умереть. Черняков, разумеется, такого чувства не испытывал. Он любил зятя и по доброте своей очень жалел страдающих людей. Однако заходить ежедневно в дом сестры, справляться тихим голосом с грустным видом, получать все тот же ответ, давать бесполезные советы было, при его жизнерадостности, очень тяжело. Михаил Яковлевич нерешительно сказал было сестре, что останется на все лето в Петербурге. Как он в душе надеялся, Софья Яковлевна ответила, что это не имеет смысла, что он тоже нуждается в отдыхе и непременно должен уехать. Черняков слабо поспорил и со вздохом покорился, – потом сам себя смущенно ругал Тартюфом и думал, что странно устроена жизнь: приходится лицемерить даже с очень близкими людьми. Он несколько опасался, что сестра подкинет ему Колю, но и этого не случилось: Коля был приглашен к товарищу; Софья Яковлевна признала, что ее семнадцатилетнему сыну гораздо лучше проводить лето в деревне, в семье известных ей людей, чем "шататься по каким-то номерам в Кисловодске" под слабым надзором дяди. Главной же причиной мрачного настроения Михаила Яковлевича были его отношения с Елизаветой Павловной. Он сам не заметил, как в нее влюбился. Теперь Черняков бывал в доме Муравьевых почти каждый день. Многие его считали женихом Лизы, но это было неверно. Никакой перемены в их отношениях не произошло. Елизавета Павловна по-прежнему однообразно-колко с ним спорила, называла его по фамилии, как называла большинство мужчин, и ничем не показывала, что знает об его чувствах. "С отцом сначала поговорить? Она скажет: Домострой", – нерешительно думал Михаил Яковлевич. Он все собирался объясниться с Лизой – и каждый раз этому что-либо мешало. Дом Павла Васильевича был вечно полон людей. Когда же Черняков бывал с Лизой наедине, он испытывал непривычное ему смущение и не мог выйти из обычного тона их разговоров. В этом агрессивно-шутливом тоне объясниться в любви было трудно. Слабые его попытки изменить тон ни к чему не приводили. Случайно ли или намеренно она обращала их в шутку, и всегда кто-нибудь входил в комнату не вовремя.

У Михаила Яковлевича все росла потребность в семейной жизни. Он теперь с завистью любовался чужими детьми, особенно маленькими. Честолюбие, в прежние времена вытеснявшее у него все другие чувства, несколько ослабело.